

Николай Огарков

Путешествие по жизни

Николай Федорович Огарков

Путешествие по жизни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74035342

Путешествие по жизни / Н. Огарков: Де`Либри; Москва; 2026

ISBN 978-5-4491-3108-9

Аннотация

Это книга-исповедь человека, чья жизнь пришлась на эпоху от счастливого детства в северной русской деревне до реалий бизнеса в лихие 90-е и путешествий по миру в 2000-х. Произведение состоит из коротких, почти новеллистических эпизодов. В них – деревенские драки, тяжелая травма и обретение веры, создание бизнеса на руинах СССР, встречи с «правильными» людьми и опасными партнерами. Автор с иронией и мудростью описывает уроки жизни, которые ему преподавали случай, судьба и Бог, – от конфликтов с бандитами до тонкостей деловых тендеров. Читатель проходит вместе с героем путь от атеиста, заглянувшего по ту сторону бытия, до человека, осознавшего важность веры и собственного достоинства.

Это книга для широкого круга читателей, интересующихся историей страны через призму личного опыта, а также философией преодоления и нравами «переломных» эпох. Это не набор готовых решений, а живая иллюстрация того, как формируется характер, как важно помнить о смерти (memento

моги), чтобы ценить жизнь, и почему настоящая гордость невозможна без смирения и веры.

Содержание

Детство	6
Бабушка	12
Кораблик	14
Драка	16
О жизни и смерти. 1984 год	20
Memento mori	27
О бизнесе в 80-х	29
Гидра капитализма 1985–1989 гг	33
Бизнес: самое начало	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Огарков

Путешествие по жизни

Все совпадения считать совпадениями!

D E L I B R I

© Н. Огарков, текст, 2026

Детство

*Любавиных в деревне не любили. За гордость.
В. Шукшин «Любавины»*

Моё счастливое детство... Бабушка моя, Ольга Семёновна Огаркова, не вступила в колхоз, не работала, и когда родился я – голубоглазый и светловолосый – бабушка сказала: «В нашу породу!» и, что называется, не давала на меня никому «дыхнуть». Мы жили в деревне Старая, на севере. Раньше этот край так и назывался – Северный край, сейчас – Кировская область. Мне нравилось, когда пели: «Ведь мы ребята, ведь мы девчата семидесятой широты». Надо сказать, широта эта была шестьдесят градусов двадцать шесть минут, тем не менее.

Большой, светлый дом стоял на горе – самое высокое место в деревне. Выше – большая черёмуха, дальше – мелко-лесье, сколками – можжевельники, за горой – островок леса с осинами и костяникой, дальше – Заградские лога. В доме в кадках росли берёзка, фикус, лимоны. Для меня, маленького, это был почти лес. Когда к бабушке приходили подружки (старухи), она ставила самовар, срезала лимон! Это была целая церемония. Лимоны – это традиция.

Когда бабушка с моим дедом возвращались из США, на корабле бабушке стало плохо: она была беременна моим от-

цом (не хотела рожать в США). Капитан корабля, узнав об этом, пригласил на чай с лимоном. Лимон на корабле – это витамины. Я потом узнал: на маршруте Роттердам – Нью-Йорк было два капитана. Один выполнял представительские функции, общался с пассажирами, другой вёл корабль. Маршрут действует до сих пор. В Роттердаме, на берегу, находится кафе «Американ Лайн» – компания того времени. Там сохраняется та же обстановка времён Титаника, так же шумно и бесконечно кипит жизнь, те же сорта пива, та же посуда.

В школу я пошёл с радостью: я был смышлёным и мне было интересно учиться. Во втором классе я стал двоечником, а в третий меня перевели с трудом. Родители решили уехать из деревни на стройку. Мои оценки, почти все двойки, учительница Катухина переправила на тройки. Надо сказать, я очень старался учиться. Школа была деревенская: две учительницы, мой класс – это двенадцать человек с первого по третий класс. Когда учительница писала задачи по арифметике на доске для третьего класса, я, учась в первом, решал их в уме и выкрикивал, чтобы получить хотя бы тройку. Но, изложение я тоже написал на двойку (по рассказу, где курица оберегала цыплят от коршуна). Учительница объяснила, что изложение – это пересказ своими словами, а я написал слово в слово, как она прочитала. Память у меня была отменная, а лучше, чем у автора, я не смог. Хотя у меня была одна пятёрка – всегда! Надо сказать, я за неё боролся. Это была пятёрка по физкультуре. Всё было просто: мы (зимой на лыжах) бежали до Черёмушки (около километра), огибали её и обратно. Я прибежал первым и получал пятёрку, я гордился, что у меня пятёрка! Однажды, пока я огибал Черёмушку, Витька срезал, не добежав, и я, прибежав вторым, получил тройку. Была драка, и дальше я всегда прибежал первым.

Мы переехали в посёлок из-за меня, из-за моей учёбы. К тому же мой родственник уехал учиться в Москву (впоследствии стал членом-корреспондентом РАН). Я тогда не

мог понять, зачем мы бросаем (продать было невозможно) наш родной большой светлый дом, корову Малинку, всё хозяйство, коня Синько (жеребец иссиня в яблоках), почти всё имущество и переезжаем на стройку всей семьёй в одну съёмную комнату.

Это была другая жизнь, что называется свобода! Родители с утра на работе, мне оставляли двадцать копеек на обед. Я познакомился с поселковыми парнями, и мы на эти двадцать копеек покупали сигареты «Шипка» (пятнадцать копеек). Или я сэкономил – и тогда «Космос» за шестьдесят копеек (в твёрдой пачке, самые дорогие). В деревне у нас не курили до шестнадцати лет. И не потому, что запрещали, а потому, что это было неприлично в нашей среде подростков. А тут всё было по-другому! Учились кидать ножи, играли в карты, дрались. Мне приходилось драться каждый день, поскольку я был маленького роста, чужой, говорил по-деревенски, ну и не сдавался. Зато школа была другая. Моя первая учительница (я её считаю первой), Ложкина Клавдия Алексеевна, учила меня только две четверти в третьем классе. После первой же контрольной поставила мне четвёрку! Я был в шоке: мне – и четвёрку! Я даже начал этим гордиться. Это была удивительная женщина! Она изменила мою жизнь, я ей бесконечно благодарен! Я начал учиться, и она ставила мне четвёрки, правда, однажды она поставила мне двойку. Я был в шоке! Двойка была заслуженно поставлена, но для меня тогда это не играло никакой роли: всю мою недолгую школь-

ную жизнь мне ставили оценки не по результатам! Это, наверное, была самая сильная оценка! В общем, школу я закончил без троек! В десятом классе победил в районной олимпиаде по физике и занял второе место в олимпиаде по математике!

Только когда я стал взрослым, мама рассказала мне, что большой дом в центре деревни, с шестью окнами по фасаду, с мезонином, в котором жила учительница Катухина, был домом моего деда, который большевики отняли у нас в революцию.

Я бесконечно благодарен своим родителям: бросить свой дом, хозяйство ради моего образования! Я бесконечно благодарен своей Первой учительнице и всегда с теплотой вспоминаю её – Ложкину Клавдию Алексеевну! И конечно, я благодарю БОГА!!!

Бабушка

Бабушка разрешала мне всё. Утром запекала мне свежеспечённый хлеб со сметаной и сверху сладкое варенье или посыпала сахаром, делала шаньги с творогом. Бабушка чистила запечённую картошку от шкурки, потом отделяла мне золотистую поджаристую картошку, что под первой, грубой шкуркой – самая вкусная тонкая шкурка в картошке. Помню, как бабушка учила меня сочить сосновый сок. Наверное, это самое вкусное. Сок сочили тонким острым ножом в период соковыделения сосны, получались сочные тонкие ленты солнечного цвета. По вкусу он очень похож на спелый манго с лёгким хвойным привкусом. Я очень любил и свою бабушку Ольгу Семёновну, и, конечно, весь мир: он крутился вокруг меня!

Отец рассказывал, как Колюшку (сына бабушки), в войну, семнадцатилетнего, забрали в школу младших командиров. Выбирали по росту и образованию – Колюшка был рослый, красивый, благородный и с характером. На проводах в армию председатель не дал коней. Проводы в деревне, как в стародавние времена положено, – некрутиться. Некруты – это как рекруты, только наоборот, как мальчишник перед свадьбой, только с конями и дракой, обычно. Председатель буквально встал у дверей конюшни с ключами: «Не дам и всё!» – мол, война всё-таки. Николай мягко отодвинул пред-

седателя и рукой вырвал дверной пробой вместе с замком. «Николай! Бери коней», – согласился председатель. Драки не было. Начинали Василий Костин и Кеня Гарин, оба по метр восемьдесят, оба после гражданской (толк в проводниках знали). Только Николай подошёл, видит – не избежать, взял и столкнул обоих лбами – они и выпали, больше желающих не нашлось. Эта его правильность и характер сыграли в армии. Он деревенский парень, справедливый, не привык – и командиру врезал. Разжаловали: попал в штрафную роту. Мой отец провожал его на фронт в Слободском, вспоминал, что Николай булку белого хлеба подарил, которую перед отправкой на фронт выдали. Добрый был человек!

Первая запятая в моей жизни случилась как раз в четыре года, когда мне наконец удалось сбежать от бабушки, и я вышел познавать Мир. Я увидел парня, чуть старше меня. Заинтересовавшись, я направился прямо к нему. Встреча была короткой: он, не задумываясь, без предисловия сразу ударил меня палкой по голове. После этой встречи я начал заикаться. Это было моё первое самостоятельное знакомство с Миром. Первый этап закончился!

Кораблик

Во втором классе учился я плохо: в основном – двойки и тройки. Правда, была одна пятёрка по физкультуре, зато её я получал всегда, кроме одного раза. Так вот, нам задали дома сделать из бумаги кораблик и раскрасить его. Я решил, что это для меня шанс получить ещё одну пятёрку. Я очень старался, рисовал, вырезал, раскрашивал... Я решил сделать такой кораблик, какого никто сделать не сможет. Каждое действие, какое я делал, я совершал даже не на 100%, а, наверно, на 1000%. Тут затраты не имели никакого значения, тут нужна была только победа, причём, не чуть лучше, а, что называется, вчистую! Надо сказать, результат превзошёл себя, я был в восторге! Когда я принёс свой кораблик в школу, то сравнивать с другими – можно было не сравнивать. Я был в предчувствии победы. Когда учительница Катухина попросила предъявить кораблики, я свой сначала не мог найти, а потом увидел его у Мишки, соседа, только он его выдавал за свой. Это было потрясение, это была моя мечта! Даже не за пятёрку – кораблик стал уже частью меня! Мы с Мишкой сцепились из-за кораблика, каждый кричал, что это его. Я тогда в первый раз понял: я этот кораблик никому не отдам, это было такое осознание, которое потом много раз повторялось в жизни – не отдам! Я не знал, как и почему, только не отдам – это как прозрение какое-то. Решилось всё просто:

Мишка не знал, что написано на другой стороне кораблика.

Драка

Что такое драка, я по-настоящему узнал, когда пошёл в школу. Нет, когда я был маленьким и в школу не ходил, я, понятное дело, дрался, но это так, со своими приятелями. Драка случилась аккурат первого сентября, когда я пошёл в первый класс. Домой я вернулся с хорошим синяком, вывоженный в земле и в разорванной рубашке. Мы столкнулись с второклассником, рыжим Колькой из соседней деревни, в коридоре, потом он меня толкнул, потом я его... Мы сцепились в борьбе и перевернули бачок с питьевой водой. На шум из класса вышла учительница, и драки не получилось. Когда разговоры с учительницей закончились, прозвенел звонок. Когда мы расходились, Колька с угрозой шепнул: «После уроков у речки, стенка на стенку». Я, конечно, знал про драки стенка на стенку, отец рассказывал. Они этим баловались в детстве, но не более того, и я не понимал: что делать мне одному против стенки? После уроков Колька ждал в коридоре; собрались желающие посмотреть.

«Ну, кто за меня?» – и он встал к стенке. Сразу за ним выстроилось человек шесть или восемь. Мне ничего не оставалось, как встать к другой стенке: слишком большое было окружение. Тут была неожиданность: за мной сразу выстроилась примерно такая же команда парней из нашей деревни. После этого драка меня уже не пугала, да и дрались примерно, как зимой в «Царь горы» по деревенским правилам: лежащих не били – если упал, значит сдался. После все вместе омыли кровь в речке, грозя друг другу на потом, разошлись в разные стороны. Собственно, так и приходило понимание своей деревни.

Настоящую драку я увидел, будучи почти взрослым, в третьем классе. Тогда мы с Дзогой (моим другом Серёжкой) познакомились с парнями из центрального района нашего посёлка, куда мы переехали, и я никого в посёлке не знал. Парни были с хорошим воспитанием, конечно, по сравнению с другими такими же компаниями. Драка была у кинотеатра, в центре, вечером. Собственно, мы с Серёжкой не участвовали, дрался наш Славка, второго, не нашего, я не знал. Славка уже отсидел и дрался красиво, по-хулигански. Когда второй упал, Славка бил его ногами по голове, и тогда я понял: в городе дерутся по-другому, и правила тут другие.

Хотя это был скорее редкий случай, я потом много дрался. Первый год, когда переехали в посёлок, в третьем классе, драки были почти каждый день – конечно, может, пере-

рывы и были, но я запомнил именно так. На дискотеках дрались красиво: никто не ругался, не хамил, не возился. Сначала человеку мягко говорили, что он не прав, если не понимал – били коротко, наверняка так, чтобы свалить; было даже непонятно, кто ударил. Уже потом отходили в сторону и бились команда на команду. Тут уже не назовёшь «стенка на стенку», тут почти без правил, единственное – ножи не пускали, это всегда было исключением из «без правил». Собственно, это и было правилом.

Так я постигал правила жизни.

О жизни и смерти. 1984 год

Красный шар медленно разгорался, затухал, потом снова начинал разгораться спокойным, неярким красным цветом, как вечернее солнце в последних кадрах фильма «Неуловимые мстители». Не было только четырёх всадников.

Дальше голос:

– Ну как он?

– Умер.

– Проверяли?

– Да.

Получается, я умер... Вообще-то, рановато. Мысль текла свободно, не спеша, даже чуть замедленно. Из рассказов я знал, что в такие моменты вспоминаешь всю жизнь, только у меня всё иначе: я ничего не мог вспомнить, вообще ничего. Красный шар затухал, затихали голоса. Последнее, что я услышал:

– А этот как?

– Этот вроде живой, вот только голова...

Понял: это, наверное, я живой!

И опять:

– Ещё воды принесите.

Мне лили на голову воду, и я приходил в себя. Вода кончалась – и шар потухал.

Очнулся я через несколько дней, точно – живой, без вся-

ких-яких! Пошевелил руками – шевелятся, уже хорошо; ногами – ног я не почувствовал, как будто их нет; боли тоже не было. Посмотреть не получилось. Это был первый серьёзный урок в моей жизни. Перелом позвоночника и травма спинного мозга. Итог: ноги потеряли всякую чувствительность. Утром приходили врачи, кололи иглами – реакции никакой; проводили иглой по животу – живот отзывался. Тогда я первый раз серьёзно задумался о смысле жизни, о предназначении, о Боге. Я тогда был атеистом, но всё равно мысленно помолился (мама всегда молилась!). Надо сказать, времени подумать было, хотя, в основном, я спал. Я понял, что ничего в этой жизни не сделал, вроде как прожил зря. И ничего после меня не останется: жены, детей не было, только родные и близкие люди. Тут тоже возникала дилемма: я понимал, что сейчас я только обуза для близких, но воспитывались мы на серьёзных книгах, одна из них – «Как закалялась сталь».

Я наизусть помнил монолог Пашки Корчагина (в школе учили наизусть):

«Жизнь дается человеку один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать её».

И вторая:

«Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай её полезной».

Когда учил монолог, мне всё подходило, а сейчас – нет. Писать книги, как Николай Островский, я не умел, да и писать было нечего. Моя жизнь, её сознательная и самостоятельная часть, только начиналась. У меня не было героического прошлого, не было жены и детей. Не было борьбы за освобождение человечества (но последнее меня как-то не трогало).

Была любовь, но что тут напишешь! К тому же после фразы Корчагина: «Юность, безгранично прекрасная юность, когда страсть еще непонятна, лишь смутно чувствуется в частом биении сердец; когда рука испуганно вздрагивает и убегает в сторону, случайно прикоснувшись к груди подруги, и когда дружба юности бережёт от последнего шага! Что может быть роднее рук любимой, обхвативших шею, и – поцелуй, жгучий, как удар тока!» я понимал: так мне не написать, а хуже – бессмысленно!

Положение моё было безвыходное. Я мог только думать и читать книги. Память моя начинала потихоньку возвращаться. Надо сказать, книги тогда воспринимались по-другому, как голым нервом: я очень резко чувствовал правду. В те дни я переоценил для себя многие книги, да и в жизни своей я многое переоценил. Моим любимым писателем стал Влади-

мир Галактионович Короленко. Книги Короленко были для меня тогда как Библия. Эта встряска, этот крутой поворот в моей жизни снёс то наносное, лишнее. Я в первый раз понял, что в жизни главное, что важно, а что пустое, лишнее. Одно было плохо – слишком поздно я это понял.

Через месяц, когда с ноги у меня сняли гири (лежал на вытяжке), я стал тренироваться.

Привязали к спинке кровати полотенце, и я стал подтягиваться на руках. Утром это увидел врач, возмутился: «У тебя перелом позвоночника, у тебя повреждён спинной мозг, а ты тренируешь спину! Ты ненормальный?»

На что я спросил:

– Чем мне это грозит?

– Уже ничем!

Говорят, нужно сделать всё возможное, и тогда Бог поможет, совершит НЕВОЗМОЖНОЕ. Мне помог. Однажды при очередной тренировке ногу пронзила боль! Это был тот редкий случай, когда пронзительная боль вызвала огромную радость! Если одна нога будет работать – это уже победа!

Это был первый серьёзный урок в моей жизни, и я благодарю Бога за тот урок. Меня, двадцатилетнего молодого человека, считавшего, что уже всё понял в жизни, сложно было в чём-то убедить. Бог вернул мне любовь к жизни. Жизнь открылась, я нашёл жизнь, понял: у меня есть время до следующего раза. Это ждёт каждого, когда подойдёшь к черте. Есть время, есть понимание жизни, и в следующий раз у ме-

ня не будет безысходности. Бог дал ВЕРУ: «Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь и получит благодать от Господа». Притчи Соломона 8:35.

Memento mori

Наступал день моего рождения. Не хотелось встречать его в больнице, хотелось принять ванну. Договорился с моим другом: он на мотоцикле с коляской заберёт меня, ехать буквально пятьсот метров до дома (и дежурной сестре сообщил, чтобы не искали, если что). Саша приехал ровно в полдень. Я потихоньку, с трудом, хромая, выбрался из больницы. Когда поехали, как бы медленно Саша ни пытался ехать, на каждой маленькой выбоине дороги я понимал: она может быть критической, однако добрались. Я дома!!! Из кухни пахло обедом, в гостиной стол накрыт большой белой скатертью, мама приготовила ванну. Это был настоящий день рождения, не хватало только гостей. Я медленно, со всеми предосторожностями забрался в ванну с горячей водой. То ли я опьянел от счастья, то ли горячая вода стала причиной, но я поскользнулся, удержавшись за край ванны. Острая боль – и мои мышцы предательски мне отказали: я соскользнул под воду. Я не мог даже пошевелить рукой. Это было неопишимо после всего, что я уже прошёл, когда представил маму, минут через пятнадцать зашедшую в ванную. Я не стал пытаться вылезти из-под воды, я понял, что шанс у меня только один, и стал ждать, когда в лёгких закончится воздух, чтобы сделать только одну попытку – другой не будет.

Когда сознание стало на грани, я очень осторожно поше-

велил рукой – шевельнулась. Медленно, насколько возможно, добрался рукой до края ванны – это было полпобеды! Дальше, со всеми предосторожностями, но так, чтобы времени хватило, подтянулся (вода помогала мне) и добрался губами до воздуха. Теперь надо было отдышаться.

Это была, по сути, ещё одна моя жизнь. Глупо, конечно, было бы так всё закончить. Я отдышался, на случай если мышцы снова откажут, чтобы можно было отлежаться под водой.

Я выбрался на поверхность. Горячая вода сняла боль, я мылся, как заново рождённый. Это случай показал мне, как быстро человек забывает урок, и это не последний раз, когда я забывал. С каждым разом я постигал одну и ту же истину: «Memento mori» (Мemento мори) – помни, что ты смертен. Именно эту часть монолога Павла Корчагина я усваивал сложнее всего.

О бизнесе в 80-х

На завод имени В. И. Ленина, в сборочный цех, я попал мастером ВТК после вручения транзистора «Альпинист» за второе место на конкурсе институтских дипломных работ. Через пару месяцев мой начальник, очень опытный, назначил меня старшим контрольным мастером на новое, секретное изделие «СМЕРЧ». «СМЕРЧ» – система залпового огня: двенадцать семиметровых ракет стартуют за сорок секунд, ну и в случае снаряжения ядерными боеголовками от такого города, как Пермь, шестьдесят км длиной, после – только тишина. Новое – я был счастлив, начальник тоже!

Я взялся осваивать изделие со всей энергией. Надо сказать, на заводе, да и на других военных заводах (а я был на многих), была очень высокая техническая и организационная культура производства, высококвалифицированные кадры. Но через четыре месяца, в пятницу вечером (перед выходными), я по техническим несоответствиям остановил сборку изделия! Это надо понимать: на заводе около ста цехов, и остановить наш сборочный цех, где работают около семисот человек (он один из трёх основных сборочных цехов всего завода, а это, считай, треть завода), – это серьёзно! Работали тогда без выходных с сентября до Нового года. И главное – это, конечно, «СМЕРЧ». В понедельник с утра в цехе было всё руководство завода. Первым делом – мне вы-

говор, ну и уволили меня, перевели на другое изделие. Для меня это было уже неважно, важно – я стал специалистом! Начальник мой был, я уже говорил, опытный, поэтому он от меня про техническое несоответствие выслушал. Ещё через пару месяцев, под Новый год, собрали первую машину и поставили «на прогоны». Машина не укладывалась в заданные характеристики – к Новому году плана не будет! Начальника моего – к руководству. Ну, он им сразу объяснил моё решение об остановке сборки и указал причину. Опытный был начальник. Меня вернули, но уже заместителем начальника, ну и, понятное дело, уже с авторитетом!

Через три года, после обязательной отработки на заводе им В. И. Ленина, я записался на приём к директору по поводу жилья и будущей работы. Директор сообщил, что с таким быстрым продвижением (я уже был начальником ВТК сборочного цеха и испытательного полигона завода) и перспективой карьеры с завода не уйду, поэтому квартиру мне пока не выделяют. И я ушёл с завода – это был 1988 год – в бизнес.

За деньги купить было ничего нельзя, на всё нужны фонды, лимиты. Кроме денег, я ни о чём не переживал: для меня это было неважно, я всегда хотел заниматься изобретательством и внедрением разработок (не давал покоя мой дипломный проект и транзистор «Альпинист»).

Первый коммерческий договор я заключил в 1988 году с химзаводом им. Орджоникидзе на разработку дизайна этикетки чистящего средства «Санфор», регистрацию товарно-

го знака во ВНИИГП, изготовление фотоформ для печати этикеток. За всё про всё – четыреста рублей. Конечно, за такие деньги это было не сделать, но завод планировал модернизацию, и я согласился. К тому же, у меня оставался запас зарплаты в семьсот рублей.

После успешного выполнения первого заказа у меня появились реальные заказы, и через год я занялся разработкой проекта реконструкции, приобретения, монтажа и запуска оборудования по производству метилового эфира и нитробензола. В 1991-м, через три года, проект был реализован, и моя первая контора заработала сто тысяч долларов. Заработать в то время не значит, что ты можешь потратить или выдать это зарплатой (деньги были на валютном счету во Внешэкономбанке). Я выплатил ГИП, главному инженеру проекта, премию в пять тысяч рублей. Он с премии заплатил партийные взносы, и меня вызвал первый секретарь на бюро райкома партии (я не был партийным). Первый секретарь спросил: «Как ГИП заработал пять тысяч рублей премии за два с половиной года, когда у него, у первого секретаря, оклад триста пятьдесят рублей в месяц?!» Я объяснил про работы без выходных, про личную ответственность директора (меня) и ГИПа, уточнил, что это эфир и нитробензол, и если бахнет, то райком КПСС, находящийся примерно в одном километре от завода, скорее всего, снесёт. Звучало вполне убедительно, тем более я предположил, что в химии он не разбирается. В общем, пронесло: мне – выговор, ГИП

— выговор с занесением.

Деньги мы не успели получить по причине того, что Внешэкономбанк обанкротили (наверное, там было слишком много валюты). Для меня это было уже неважно, важно: я научился зарабатывать деньги.

Гидра капитализма 1985–1989 гг

Всё началось с яхты. Точнее, с яхтенного спорта. Мой приятель Лёша, однокашник, был яхтсменом, морским волком и одновременно комсоргом нашего цеха. Надо сказать, всё руководство цеха, начиная с бригадира, было комсомольско-партийным, поголовно. Всё да не всё: был один старший мастер – беспартийный, только что пришёл на завод. Этим мастером был я, так получилось, хотя в школе меня (нас с Владимиром Ильичом – это мой друг) принимали в комсомол первыми из класса. На следующий день мы поехали в райком комсомола на утверждение – такой был порядок: всё очень серьёзно, хотя и очень формально. Первым вызвали Вовку. Он быстро вышел.

– Ну как, приняли?

– Нет!

– Почему?

– Спросили: «Зачем вступаешь в комсомол?» Заставляют, как лучшего ученика.

Да, Вовка – он такой, правильно его звали: Владимир Ильич, как Ленин.

Ну и не приняли.

Меня тоже не приняли. В общем, в институте, на нашем спец-факультете, наверное, я был единственным «некомсомольцем».

И вот сдал Лёше два фото три на четыре на права, водно-моторный спорт. По совместительству в яхт-клубе я был спасателем. У меня был спасательный катер «Крым-3» с двумя моторами «Вихрь». И права нужны были. Лёша одно фото приделал на права водно-моторные, а второе – на комсомольский билет. Так я стал комсомольцем. В общем, я не стал возмущаться, я же писал – так получилось, и у Алексея полный ажур: все комсомольцы!

И вот 1989-й год. Я, в составе руководства городской комсомольской организации, попал в Югославию – почти капиталистическая страна, по тому времени.

Белград, отель, номер, стук в дверь. Я открываю: на пороге молодая женщина, начинает что-то объяснять на смеси языков. Я понял одно слово «продать», а что продать – Советский Союз? Или она себя хочет продать? Я, понятное дело, иду в отказ: «Мы не продаемся (надо пресечь провокацию)!»

Тут из душа вылез мой товарищ, комсомольский босс (номер был на двоих). Он всё сразу понял, кинулся к чемодану, достал два комплекта постельного белья. Да, контрабанда – это ремесло! Нет, я про контрабанду знал и тоже хотел привезти жене сапоги, ну там жвачки и, если совсем повезёт, – джинсы. Таможенную декларацию выдали примерно за месяц до поездки, сразу после беседы с ответственным работником о возможных провокациях и о том, что «там» надо вести себя не как «тут». Из декларации узнал, что есть контрабанда, что можно провезти, чтобы «там» продать и купить жене сапоги. Золото, оружие, наркотики, произведения искусства я сразу вычеркнул из списка. Больше всего подошёл кофе: и контрабанда, и не так чтобы... Хотя у нас в СССР кофе тоже сложно достать. Но я «достал» три банки хорошего растворимого индийского кофе – будут жене сапоги! Только, как оказалось, растворимый кофе «там» не пьют, и вся наша комсомольская группа каждое утро пила у меня в номере индийский кофе! Алкоголь мы, конечно, тоже пили, но тут нюанс: в СССР меняли тридцать рублей на тридцать долларов США. Это был бюджет на две недели, не считая контрабанды. Мы просто выходили из положения. В аптеке говоришь: «Алкоголь» и за доллар получаешь литр спирта.

Около отеля росло гранатовое дерево. Брали целлофановый пакет, гранат превращали сначала в сок, а потом пятьдесят на пятьдесят – коктейль!

Днём группой в город, по одному нельзя! Может быть провокация, ну и присмотр. Надо сказать, в шоке я был, когда ещё ехали по Югославии на автобусе: проехали почти всю страну – ни одного завода! Даже труб, котельных или доменных, нет, нет и силовых линий электропередач (предприятия без электричества не могут – разведпризнак). Надо сказать, у нас в городе было семь огромных военных заводов! Это 1989-й год. Китайская экономика – 20% от СССР.

В магазине, в магазинчике небольшом, колбасы – сортов тридцать! И никаких очередей! Нафига им столько колбасы, если её не покупают?! Зато, когда группой подошли к городскому парку, югослав в возрасте, услышав русскую речь, встал по стойке «смирно», приложил руку к шляпе, и мы прошли, как на параде, с почестями. Вечером ко мне подошёл Валентин (я его знал по секции бокса), говорит:

– Давай, вечером сходим в город, посмотрим этот капитализм изнутри!

Я согласился, ещё Марсель согласился, другие отказались. Когда все легли спать, мы втроём через окно выбрались в город: двери отеля на ночь запирали! Идём по городу ночью, всё спокойно, к нам никто не пристаёт, даже удивительно. Валентин предложил ночной бар, всё-таки по тридцать долларов у нас было. Спустились в полуподвал, заранее договорились: если какая канитель, бьёмся до последнего, друг без друга не уходим. Парни мы все серьёзные, Марсель тоже

спортсмен, борец. Заказали сок, сидим, к нам никаких претензий. Времени уже часа три ночи. Ни драки, ни канители какой... В общем, взяли бутылочку сухого. Только выпили – в кафе вваливаются пять человек, амбалов, а нас трое. Я сразу прикинул: таких надо бить так, чтобы сразу, наверняка, уж больно они здоровые. Стал присматривать что-то подручное: бутылку нельзя – перебор, ножка от стула – то, что надо!

Только эти жлобы к нам претензий не предъявляли, заказали мороженое и танцевали, как бабы! Это мы уже только к утру поняли: самые опасные тут, наверное, это мы!

Бизнес: самое начало

Бизнес шёл хорошо. Моя компания в основном занималась проектными работами и немного писала компьютерные программы. Поступил заказ сделать несколько АРМ (автоматизированных рабочих мест) и написать САПР (программу автоматического проектирования) типовых кабелей для Камкабеля. Хотя компьютер тогда стоил две тысячи долларов США, зарплата конструктора была сто восемьдесят-двасти сорок рублей при курсе доллара тридцать рублей – это шесть-семь долларов. Тем не менее, заказ поступил. Мой заместитель по этой части, Алексей Алексеевич, был очень продвинут в сфере компьютеров и программирования. Он стоял у истоков написания САПР, был очень предприимчивым, деловым, энергичным. При закупке партии компьютеров Алексею Алексеевичу предложили тысячу штук по цене много меньшей. Он был дока в этой сфере, и у него тут же нашёлся покупатель на эти компы по хорошей цене. Пересчитав прибыль, Алексей Алексеевич поразился: одна сделка – и можно создать большую программную компанию со своим помещением, своими компьютерами, с зарплатой и писать программы на весь Советский Союз! Я сомневался: бизнес уже шёл широкими шагами и, что называется, «кое-где у нас порой штаны рвались от широты шага». Но покупатель серьёзный, заверил в платёжеспособности, продавец

готов был лично прилететь из Киева для оформления сделки и быть тут у нас (типа добровольным заложником) до поставки компьютеров. Договор составил я сам: в случае непоставки или неоплаты – неустойка в нашу пользу. Подписали. Всё шло хорошо. Представитель поставщика Хоткевич прилетел и жил на квартире Алексея Алексеевича. Согласовали модели, видеокарты (взяли самые современные), пока не подошло время поставки. Тут Алексей Алексеевич попросил меня съездить в Москву – непонятки с поставщиками. Я позвонил, покупатель был в Москве, суммы огромные, переговоры – надо ехать. Алексей Алексеевич не мог: жена заболела. Взял с собой Хоткевича. Встретил нас на Казанском вокале спортивный парень, представился водителем. Мне не понравилось, что на машине были крымские номера. «Только что купили, – объяснил он. – Поедем прямо домой к шефу». Мобильников тогда не было.

В квартиру он зашёл первым и сразу сказал спокойным, твёрдым голосом: «Не поворачивайся». Второго, стоявшего сзади за дверью, я скорее почувствовал телом. Медленно повернулся. Лет тридцать, с короткой стрижкой, глаза – я таких ни до, ни после не видел: такие стеклянные, что ли. Такие запомнились. Он был не агрессивный, движения выверены. Я занимался боксом и в движениях понимаю. В руке – нож. Он быстрыми, отработанными движениями (похоже, спец из милиции или ещё откуда) обыскал меня, достал мой нож. Их было двое. Оба профессионалы. Да и непонятно,

может, охрана? Но квартира съёмная, мебели нет. На Хоткевича они даже не взглянули. Первый его срисовал сразу, поэтому и приём был, в общем-то, вежливый. Только они не охрана: сразу спросили про договор и так далее. Я был прав и держался спокойно (других вариантов не было), конечно, смотрел, как и что, только они всегда – один сзади, другой спереди. Вообще, непонятно стало только больше, поскольку в процессе разговора я становился всё менее прав. Ситуация вырисовывалась хреновая, если мягко так сказать. Дальше произошло неожиданное – Хоткевич заплакал по-настоящему. Я был поражён. Он признался: косяк его, он виноват, подделал договор после моей подписи и просил не убивать его. Ситуация выяснилась. Я вышел из квартиры и из договора. С Алексеем Алексеевичем мы после этого разошлись. Оказалось, он про канитель знал, но верил в меня, мол, я решу. Только я не решил – разошлись. Я отдал ему компьютерный бизнес: после этого случая я решил этим не заниматься. Алексей Алексеевич на этой квартире не был, а человек он был предприимчивый, бизнес только начинал, что называется, воробей не стреляный. Ну и он продолжил без меня. Взял деньги у покупателя (наша компания была серьёзной, и ему поверили), купил вагон компьютеров, ему их привезли, расплатился. Всё хорошо, да не всё. Это как в сказке: скоро сказывается, да не скоро делается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.